



## Натурализм и скептицизм в философии Юма

БАРРИ СТРАУД<sup>1</sup>



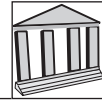
В статье исследуются две темы в философии Д. Юма, считающиеся главными в его наследии: натурализм и скептицизм. Вопреки бытующему мнению о том, что философия Юма страдает из-за несовместимости этих двух ее аспектов, автор показывает, что они не только не противостоят друг другу, но и являются взаимодополняющими.

**Ключевые слова:** Юм, эпистемология, натурализм, скептицизм.

«Трактат о человеческой природе» Юма был «попыткой применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам»<sup>2</sup>. Его цель заключалась в разработке всесторонней «науки о человеке»

<sup>1</sup> Барри Страуд (Barry Stroud) – американский философ, специалист в области истории философии и эпистемологии. Получил диплом бакалавра в Университете Торонто (Канада), докторскую диссертацию защитил в Гарвардском университете (научный руководитель – Мортон Уайт). Известен своей монографией, посвященной философии Д. Юма (Hume. Routledge, 1977), за издание которой стал лауреатом книжной премии Американской философской ассоциации (1979). Среди других книг профессора Страуда «Значение философского скептицизма» (The Significance of Philosophical Scepticism. Oxford, 1984), «Как понять человеческое знание: философские эссе» (Understanding Human Knowledge: Philosophical Essays. Oxford, 2000). Предлагаемая вниманию читателей статья является расширенной версией доклада, сделанного профессором Страудом в рамках конференции «Дэвид Юм и современная философия» (Москва, 15–17 ноября 2011 г.).

<sup>2</sup> Hume D. A Treatise of Human Nature ; ed. by L.A. Selby-Bigge. Oxford : Oxford University Press, 1958. Здесь и далее цит. по: Юм Д. Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Д. Юм. Соч. М., 1996.



или «человеческой природе», которая обнаружила бы объем и силу человеческого понимания и могла бы «объяснить природу как применяемых нами идей, так и операций, производимых нами в наших суждениях»<sup>3</sup>. Полное развитие этой «науки» охватило бы человеческое понимание не только в его «теоретической» работе, но и в области морали, политики, религии, общественной жизни, равно как и в сфере человеческих желаний, аффектов и эмоций.

В исследовании человеческой природы Юм хотел «ввести» «экспериментальный метод рассуждения», поскольку считал, что этому методу ранее не всегда следовали. Он обнаружил, что «моральная философия, переданная нам античностью, страдала от неудобства, происходившего из античной натурфилософии и заключавшегося в том, чтобы последняя была полностью гипотетической и больше зависящей от воображения, чем от опыта. При возведении схем добродетели и счастья все обращались к воображению, не обращая внимания на человеческую природу, от которой должно зависеть всякое моральное заключение»<sup>4</sup>.

Приводя такое неблагоприятное сравнение «моральной философии» с «естественной философией», Юм, несомненно, приписывал немалую часть того впечатляющего успеха, которым обладала новая наука физической природы, ее «экспериментальному» и наблюдательному характеру. Соответственно он замыслил такую новую «науку о человеческой природе», которая предполагала применение «экспериментального» метода исследования. «Мне представляется очевидным, что сущность духа (mind) так же неизвестна нам, как и сущность внешних тел, и равным образом невозможно образовать какое-либо представление о силах и качествах духа иначе как с помощью тщательных и точных экспериментов и наблюдений над теми особыми действиями, которые являются результатом различных обстоятельств»<sup>5</sup>.

Однако какие бы общие принципы мы ни установили в результате подобного исследования и как бы наглядно они ни подтверждались в нашем видении «экспериментами», «мы не можем выходить за пределы опыта и всякая гипотеза, претендующая на открытие наиболее первичных качеств человеческой природы, сразу же должна быть отвергнута как самона-

<sup>3</sup> Трактат. С. 56.

<sup>4</sup> The Letters of David Hume ; ed. by J.Y.T. Grieg. Oxford : Oxford University Press, 1969. Vol. I. P. 16.

<sup>5</sup> Трактат. С. 57.



деянная и вздорная»<sup>6</sup>. Это значит, что когда мы заходим в нашем исследовании настолько далеко, насколько можем, нам следует «чувствовать себя удовлетворенными» и признать, что мы «не можем дать иного обоснования своим самым общим и утонченным принципам, кроме нашего опыта, свидетельствующего об их реальности»<sup>7</sup>. «Свободное признание» нашего невежества в данном отношении является лучшей гарантией того, что мы сможем избежать «той ошибки, в которую впадали столь многие, а именно навязывания миру собственных предположений и гипотез под видом самых достоверных принципов»<sup>8</sup>.

Юм ясно и недвусмысленно поясняет чисто наблюдательный и «экспериментальный» характер своего проекта, равно как и соответствующие ему ограничения. Однако сам проект ограничен лишь нашими человеческими способностями и нашей собственной искусностью. Юм отмечает одно важное отличие исследования человеческой природы от экспериментальных процедур естественной философии. Существует возможность вмешаться непосредственно в процессы неодушевленной природы и пронаблюдать результат, однако «экспериментальное» вмешательство в общественную жизнь людей настолько сильно подорвало бы работу естественных принципов, что никаких подобных выводов уже сделать было бы нельзя. «Поэтому в указанной науке мы должны подбирать наши опыты путем осторожного наблюдения над человеческой жизнью; нам следует брать их так, как они проявляются при обыденном течении жизни, в поведении людей, находящихся в обществе, занимающихся делами или предающихся развлечением»<sup>9</sup>.

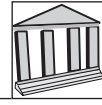
Данное представление о надлежащем исследовании человеческой природы рассматривает людей и все аспекты их жизни в качестве естественных феноменов, подлежащих такому же исследованию, как и другие части природы. Их следует понимать исключительно в терминах того, что может быть относительно них обнаружено, в результате применения именно тех способностей, коими наделены человеческие существа для отыскания чего-либо вообще. Данная идея нам знакома по сегодняшнему представлению о социальных науках или науках о человеке. По-видимому, непросто понять,

<sup>6</sup> Трактат. С. 58.

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> Там же. С. 59.



## НАТУРАЛИЗМ И СКЕПТИЦИЗМ В ФИЛОСОФИИ ЮМА

что мы не всегда обладали связываемыми с ними способами для понимания человеческой жизни. Сама идея подобного исследования зародилась во времена Юма и обрела свою значимость, по крайней мере частично, от «науки о человеческой природе» в том виде, в котором он ее понимал.

Такой всеобъемлющий проект можно было бы назвать видом «натурализма», поскольку этот термин стал употребляться применительно к так называемым философам-натуралистам XX в. И несмотря на то что Юм использовал данный термин именно в этом смысле, его проект предполагал отказ от принятия на веру чего-либо, что нельзя было бы обнаружить в природе исключительно посредством методов, надежность которых можно было бы проверить на наблюдаемых результатах. Человеческая жизнь должна была по возможности максимально объясняться через апелляцию исключительно к тем истинам о людях и их связях с окружающим миром, которые можно было бы открыть. К примеру, открытие подобных истин и ничего кроме них точно так же потребовалось бы и для понимания жизни животных. И Юм держал в голове именно эту параллель. Как в «Трактате», так и в «Исследовании о человеческом познании» содержится глава под названием «О рассудке животных». Однако из утверждения о том, что человека и других животных нужно изучать и познавать одним и тем же общим «экспериментальным» способом, еще не следует отрицания или уменьшения различий между ними. Именно в силу этих различий «наука о человеческой природе» представляет для нас отдельный интерес и имеет особую важность.

Одно из отличий людей заключается в их способе обработки и применении непростого массива знаний о мире, в котором они живут. Целью «естественного» исследования Юма было объяснить, как человеческие существа обретают все мысли, верования и знание о мире, от которого они зависят. И, несомненно, именно по этой причине Юм не хотел рассматривать уже имеющееся у нас знание о мире как само собой разумеющееся. Он хотел сделать предмет своего исследования весь массив человеческого знания. Поэтому Юм начал с того, с чего, по его мнению, начинают все люди, обретающие знание, – с того, что они воспринимают в опыте. Юм полагал, что воспринимающие существа никогда не воспринимают вещи в том виде, в каком те существуют в мире. Самое большое, что они получают от мира, это «мимолетные и мгновенные ощущения». Только из этого материала, который сам по себе не подразумевает то, как вещи существуют в ми-



ре за пределами ощущений, согласно Юму, люди конструируют сложное представление о мире и своем месте в нем.

В данном процессе «природа» работает по определенным общим «принципам ума» или «воображения», т.е. принципам, по которым ощущения и идеи естественным образом попадают в человеческий ум и уходят из него. Сказанное просто-напросто часть того, как обстоят дела в природе, и поэтому не подлежит дальнейшему объяснению. Таким образом, задача «науки о человеческой природе» заключалась в открытии самих этих «естественных» принципов и того, как они работают. Иными словами, эта задача подразумевала объяснение того, как сравнительно небольшой объем материала, воспринимаемый человеческими существами, в конечном счете приводит их к формированию богатого массива мыслей, верований и других откликов на мир объектов, событий и других людей.

Почему Юм считал, что знает об этой ограниченности человеческого доступа к миру посредством восприятий? Идет ли здесь речь о чем-то, истинность чего была доказана «экспериментальным способом рассуждения» при исследовании людей? Он даже упоминает некоторые эксперименты, которые подтверждают его позицию. Например, если нажать пальцем на глаз определенным способом, то все видимое начинает двоиться. «Достаточно немного рефлексии и философии», чтобы убедить вас в том, что видимое вами в приведенном примере есть то, что все видят<sup>10</sup>. Однако он не объясняет детальным образом, какие «рефлексия и философия» так легко приводят к этому заключению.

В чем бы ни заключалась причина убежденности Юма в том, что все люди начинают не более чем с мимолетных и мгновенных ощущений, его попытка объяснить все человеческое мышление и опыт, отталкиваясь от этой отправной точки, привела к катастрофе. Он, а вместе с ним и все мы оказались в весьма неудовлетворительном положении. Часть катастрофы заключается в том, что если бы все было на самом деле так, то мы бы никогда не смогли понять, на каком основании мы верим в какие-либо из тех вещей, в которые мы на самом деле верим, относительно окружающего нас мира. Поэтому сам Юм не мог даже найти причину верить в те «результаты», которые он думал, что получил в «науки о человеческой природе». Незавидное положение, в котором мы все оказываемся, часто называется «скептицизмом». И сам Юм иногда так его называет.

<sup>10</sup> Трактат. С. 264.



Однако приведа длинный и крайне убедительный аргумент о том, что мы все находимся в этой «скептической» позиции, Юм пришел к осознанию безнадежности нашей попытки понять самих себя таким способом. Он не надеялся когда-либо выйти из этого положения. В конечном счете он смог избежать отчаяния, но не посредством демонстрации того, что мы на самом деле не в том положении, в котором, как он изначально доказал, мы пребываем. Облегчение пришло лишь в результате неотступного принятия тех же «скептических» заключений и одновременного преодоления того отчаяния, которое пришло после их открытия. Такой благоприятный исход также, согласно Юму, является формой скептицизма. Этот скептицизм более глубокий и последовательный, чем его более ранняя форма. Он представляет собой то состояние ума, которое проповедует Юм. Однако Юм считает, что достигнуть этого состояния можно лишь после преодоления более ранней скептической катастрофы, к которой приводит его «наука о человеке».

Первым шагом навстречу этой катастрофе является идея о том, что в восприятии мы получаем лишь мгновенные, мимолетные чувственные впечатления того или иного чувственного качества и никогда не получаем объекты или положения дел «внешнего» мира. Разными способами Юм поясняет, что мы не можем отыскать в нашем опыте причины верить во что-либо за пределами наших текущих восприятий. Когда мы обнаруживаем, например, что восприятия одного вида всегда следуют за восприятиями другого вида, мы с неизбежностью начинаем ожидать восприятие второго вида, когда сталкиваемся с восприятиями первого. Однако такой переход от того, что мы наблюдали в прошлом, к тому, что мы ожидаем далее, «не основано на рассуждении или каком-либо процессе мышления»<sup>11</sup>. По Юму, попытаться обосновать подобный вывод от прошлого к будущему через апелляцию к прошлому опыту значит «явно допускать круг в доказательстве, принимая за доказанное то, что как раз и составляет спорный пункт»<sup>12</sup>. Однако ничто, кроме прошлого опыта, не может обосновать подобный вывод. Юм считает несомненным, что мы неизбежно испытываем подобные ожидания в описанных им обстоятельствах, однако чем бы ни было то, что мы восприняли до определенного момента, оно не дает нам какого-либо основания испытывать подобные ожидания.

<sup>11</sup> Цит. по: Юм Д. Исследование о человеческом познании // Д. Юм. Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1996. С. 28.

<sup>12</sup> Там же. С. 31.



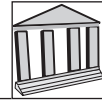
Повторяющийся опыт регулярного следования вещей одного вида за вещами другого приводит к вере не только в то, что такая корреляция продолжится, но и в то, что вещи первого вида являются *причиной* вещей другого вида. Данная вера также выходит за пределы прошлого опыта, который не дает нам оснований ее придерживаться. Однако всякая идея «причины» сама по себе выходит за пределы того, что можно отыскать в каком-либо отдельном опыте, и поэтому, утверждает Юм, она не является идеей чего-то существующего в мире, о котором мы думаем. Причинность, как мы о ней думаем, предполагает наличие некоторой необходимой связи между причиной и следствием, однако необходимость «есть нечто существующее в уме, а не в объектах, и мы никогда не составим о ней даже самой отдельной идеи. Если будем рассматривать ее как качество тел»<sup>13</sup>. Исследователь человеческой природы приходит к этому вердикту относительно причинности, анализируя работу тех «принципов воображения», которые порождают в людях идею причины или необходимости из чувственных впечатлений, которые сами по себе никогда не представляют каких-либо примеров причинности. Одной лишь работы данных принципов достаточно, чтобы обеспечить появление у воспринимающих людей идеи причинности при наличии соответствующего чувственного опыта. Однако во «внешнем» или даже «внутреннем» мире нет ничего, что соответствовало бы этой идее необходимости или причинности.

То же самое относится и к идее о том, что объект продолжает существовать, не будучи воспринимаемым, – еще одной фундаментальной идее, в которой мы нуждаемся и которой обладаем. Из юмовского анализа восприятия следует и то, что мы никогда не сталкиваемся ни с чем подобным в опыте, а обретаем эту идею исключительно посредством погружения в определенный вид «фикции». К примеру, когда мы принимаем во внимание как сходства, так и различия между похожими, но разными последовательностями восприятий, наши мысли разрываются между двумя противоположными и несовместимыми направлениями. Наш ум, «естественно, будет искать избавления от подобного беспокойства»<sup>14</sup> посредством создания новой идеи, разрешающей неразрешимый без нее конфликт. Мы же соответственно «предполагаем» или «придумываем» тождество и продолжающееся иное существ-

<sup>13</sup> Трактат. С. 219.

<sup>14</sup> Там же. С. 256.





## НАТУРАЛИЗМ И СКЕПТИЦИЗМ В ФИЛОСОФИИ ЮМА

вание объекта, остающегося неизменным при изменении восприятий. Данная идея является фикцией в том смысле, что ничего подобного никогда не отыскивается в нашем опыте и даже не должно существовать в мире для объяснения того, как мы приходим к обретению идеи о нем.

Данная модель объяснения проходит сквозь всю «науку о человеческой природе» Юма. Эта наука является «натуралистической» в смысле эмпирического исследования и объяснения того, что в действительности происходит с людьми. Однако единственными аспектами «естественного» мира, привлекающими для объяснения исследуемых фактов, являются мимолетные восприятия людей и «принципы ума», управляющие приходящими и уходящими мыслями, верованиями и другими реакциями, происходящими из этих восприятий. Именно это ограничение приводит к катастрофе.

Несмотря на весь свой «натурализм», Юм столкнулся со «скептической» катастрофой и в конечном счете предстал перед фактом, что именно к ней приводит его «наука о человеческой природе». Ближе всего к осознанию причины этой глубокой проблемы он подошел при попытке применить к идее тождества личности тот объяснительный подход, который он использовал в других областях. Эта идея имеется у каждого из нас и заключается в том, что мы являемся единственной личностью или умом, непрерывно существующим на протяжении всей нашей жизни. В одном из своих наиболее часто цитируемых отрывков Юм утверждает: «Когда я самым интимным образом вникаю в нечто, именуемое мной своим Я, я всегда наталкиваюсь на то или иное единичное восприятие... Я никак не могу уловить свое Я как нечто существующее помимо восприятий, я никак не могу подметить ничего, кроме какого-либо восприятия»<sup>15</sup>.

Никакое существо, «обладающее» подобными восприятиями или переживающее их, не предстает ни перед кем в его личном опыте. Если мы думаем и говорим о «субъектах» или личностях, как мы обычно это делаем, та идея о них, которая у нас имеется, не может быть идеей чего-то, что мы отыскиваем в опыте. Эта идея должна производиться только чем-то, имеющим место во время нашего осмысления тех восприятий, которые мы отыскиваем в собственном уме.

Такова общая модель объяснения; идея индивидуального ума является фикцией в том смысле, что наше обладание соответствующей идеей объясняется без предположения нали-

<sup>15</sup> Трактаг. С. 298.





чия какой-либо подобной вещи. Юм пишет: «Тождество, приписываемое нами человеческому уму, фиктивно»<sup>16</sup>. «Собственно говоря, в духе [уме] нет простоты в любой данный момент и нет тождества в различные моменты, как бы велика ни была наша естественная склонность воображать подобную простоту и подобное тождество»<sup>17</sup>. Мы «воображаем» или «предполагаем», что есть «нечто реально объединяющее наши отдельные восприятия», однако «тождество не есть нечто реальное, принадлежащее этим различным восприятиям и объединяющее их, но... оно лишь качество, которое мы приписываем восприятиям, в силу того что, наблюдая их идеи, находим последние связанными в воображении»<sup>18</sup>.

Очень скоро данное объяснение происхождения идеи для «мы», «я» или «ума» перестало удовлетворять Юма. Это объяснение, по его словам, обладает склонностью приписывать фиктивное тождество пучку восприятий, являющихся предметом осмысления. В приложении к «Трактату» он сознался, что «данное затруднение слишком велико для моего понимания», хотя, быть может, оно не является «абсолютно непреодолимым»<sup>19</sup>. Однако в «Трактате» за главой «О тождестве личности» сразу следует едкое заключение четвертой книги, в котором Юм выражает глубокую неудовлетворенность своим рассмотрением познания. В конце этой первой книги «Трактата» Юм обнаружил себя в «безнадежном одиночестве»<sup>20</sup>; он ясно видел и ощущал все следствия той катастрофы, к которой привела его концепция «науки о человеческой природе».

Юм был вынужден признать, что, согласно его теории человеческой природы, у него не было никаких оснований соглашаться с чем-либо, кроме того, что непосредственно присутствует в чувствах в конкретный момент. Даже для рассмотрения своих текущих восприятий как воспоминаний о восприятиях, которые он переживал ранее, пришлось бы сделать шаг в мышлении от этих настоящих восприятий к вере из прошлых восприятий, которую они предположительно представляют<sup>21</sup>. Однако в его текущем опыте нет ничего, что давало бы ему основания для осуществления этого шага, точно

<sup>16</sup> Трактат. С. 304.

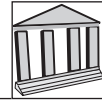
<sup>17</sup> Там же. С. 298–299.

<sup>18</sup> Там же. С. 305.

<sup>19</sup> Treatise. P. 636.

<sup>20</sup> Трактат. С. 309.

<sup>21</sup> Там же.



так же, как ничто не дает ему оснований верить во что-либо в будущем. В обобщенном виде это приводит нас к крайне «скептическому» выводу о человеческих существах: у них нет никакой причины верить во что-либо за пределами текущего опыта восприятия и самым фундаментальным и, по-видимому, неотъемлемым идеям из тех, которыми обладают люди, в мире не соответствует ничего. Даже та идея «мира», которой обладают люди и в которую они верят, является не более чем еще одной фикцией.

Однако уныние Юма в заключении к первой книге «Трактата» порождается не просто тем, что он пришел к неприемлемому взгляду на человеческую природу, с которым никто не согласится. Каким бы неприемлемым ни казался этот взгляд, если он подтверждается лучшими исследованиями человеческих существ по сравнению с другими взглядами, то нам придется его принять. Если ученые, исследующие животных, обнаружили бы, что каждый аспект поведения животных можно было бы объяснить исключительно в терминах того, что животные получают в своем восприятии, и того, как их внутреннее устройство обрабатывает эти данные, обуславливая их поведение во всех его аспектах, то тогда не будет возмутительно заключить, что у животных все происходит именно так: у них нет разумной веры или точных идей о мире.

Недовольство Юма своей собственной позицией происходит из другого источника. Он недоволен по причине, распространяющейся исключительно на человеческую природу. Люди, изучающие животных, могут принять любую теорию, которая будет наилучшим образом объяснять их поведение. Однако в исследовании человеческой природы люди являются одновременно и объектами исследования, и действующими агентами, его выполняющими. Они стремятся к познанию самих себя и поэтому должны быть в состоянии принять получаемые ими результаты как истинные. Я думаю, что Юм чувствует и выражает отчаяние именно из-за того, что никогда не сможет достигнуть нужной степени удовлетворения своими собственными усилиями по самопознанию. Он недоволен тем, что достигнутые им результаты «делают напрасными все наши прежние старания и усилия и отнимают у нас охоту к дальнейшим исследованиям»<sup>22</sup>. Мы ожидаем от науки о человеческой природе способность отыскивать причины любого явления, связанного с человеческим умом. Но «как же мы должны быть разочарованы», обнаружив в результате наших

<sup>22</sup> Трактаг. С. 311.



исследований, что сама эта идея причины является лишь отпрыском детерминированности ума, обретенным вследствие привычки переходить от одной идеи к той, которая ей обычно сопутствует. Это открытие, по Юму, «лишает нас всякой надежды на то, что мы когда-либо получим удовлетворение»<sup>23</sup>. Я думаю, что именно в этом обсуждении удовлетворения и неудовлетворенности Юм касается подлинного источника катастрофы и отчаяния, в котором он оказывается.

Когда он пытается примерять на себя собственные общие выводы о людях, Юм не находит причины верить во что-либо: «После самого точного и тщательного рассуждения я не могу указать оснований, по которым должен согласиться с ним, и не чувствую ничего, кроме *сильной* (strong) склонности ярко (strongly) представлять объекты именно так, как они мне представляются»<sup>24</sup>.

Как ученый он открыл, что верить во что-то просто значит иметь об этом «более интенсивную» и «более живую» идею. Однако он также обнаружил, что идеи становятся более интенсивными и живыми лишь вследствие определенных принципов воображения, обрабатывающих те восприятия, которым случилось предстать перед умом. «Таким образом, в основании и памяти, и чувств, и рассудка (understanding) лежит воображение, или живость наших идей»<sup>25</sup>.

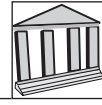
В этом и заключается подлинный источник затруднения. Приписав центральную роль в уме «воображению», Юм испытывает потерю того, что можно назвать «его собственной» ролью или ролью самого мыслителя в том, что происходит у него в уме. А поскольку он рассматривает определенные объекты «более интенсивно» и «более ярко» лишь вследствие «воображения», он, по видению Юма, будет придерживаться своей веры независимо от своей способности или неспособности ее обосновать. Похоже, именно это он имеет в виду, высказывая недовольство, что воображение – столь малозначительное качество, мало зависящее от разума<sup>26</sup>. Воображение не является «малозначительным» в том, что касается его следствий, его влияние является всепроникающим. Работа воображения только с виду «малозначительно» и «случайно» соотносится с истинностью или разумностью какой-либо порождаемой им веры. Именно эта работа воображения порождает

<sup>23</sup> Трактат.

<sup>24</sup> Там же. С. 309–310.

<sup>25</sup> Там же.

<sup>26</sup> Там же.



## НАТУРАЛИЗМ И СКЕПТИЦИЗМ В ФИЛОСОФИИ ЮМА

дает следствия всех имеющихся у нас впечатлений и идей. Поэтому-то объяснение источника даже на первый взгляд фундаментальных идей через работу воображения раскрывает их фиктивный характер: в мире может и не оказаться ничего такого, к чему эти идеи могли бы быть приложены, чтобы воображение могло произвести их на основании имеющегося материала.

Это значит не только то, что Юм «не вдохновлен идеей дальнейших исследований» человеческой природы. В этот момент он даже не может увидеть причину, по которой он должен верить тем выводам, которые он получил, или думает, что получил, в рамках «науки о человеческой природе». У него даже нет причины верить в само на первый взгляд скептическое заключение о том, что никто из людей не имеет оснований верить во что-либо за пределами их текущего опыта. Даже «открытие» того, что человеческое воображение как-то «оживляет» одни, но не другие идеи, является лишь чем-то, с чем у него появляется большая склонность согласиться. В том положении, в котором он оказался на данной стадии своих размышлений, он не может увидеть даже причины верить в сам объект собственного исследования. То, что он называл «наукой о человеческой природе», исчезло в качестве проекта, который можно было бы по какой-то причине разрабатывать. Он в полном тупике; его отчаяние кажется тотальным. Он пишет: «Мне чудится, что я нахожусь в самом отчаянном положении, окружен глубоким мраком и совершенно лишен употребления всех своих членов и способностей». «Я кажусь самому себе каким-то странным, невиданным чудищем, которое, не сумев поладить и слиться с обществом, было лишено всякого общения с людьми и брошено на произвол судьбы, одинокое и безутешное»<sup>27</sup>.

В иных обстоятельствах эти слова могли бы прозвучать лишь как постановочная самодраматизация. Но я думаю, что они являются осмысленными как способ выражения того проблемного состояния ума, в котором Юм оказался на данном этапе. Поиск науки о человеческой природе в избранном направлении привел его к тому, что он почти перестал чувствовать себя человеком.

Все эти проблемы вызваны доминированием того, что Юм называет «воображением». Мы знаем, что воображение очень влиятельно, однако не можем решить, в какой степени нам следует перед ним отступить. С помощью размышления

<sup>27</sup> Трактат. С. 313; 309.



нельзя разрешить дилемму, связанную с тем, насколько далеко стоит следовать за порождениями воображения. Все, на чем бы мы ни остановились в наших размышлениях, не будет иметь никакого значения, ибо все происходящее в уме определяется работой воображения: «Что касается меня, то я не знаю, что надлежит сделать в данном случае. Я могу только указать, как обычно поступают в таких случаях, а именно об этом затруднении или думают мало, или совсем не думают; если же оно и приходит кому-нибудь в голову, то быстро забывается и оставляет после себя лишь незначительное впечатление»<sup>28</sup>.

Здесь Юм обращает внимание на тот важный факт, что мы вынуждены больше не верить в те философские заключения, к которым с неизбежностью приходим. Юм представляет это как факт человеческого состояния, которое предположительно обнаруживается посредством «внимательного наблюдения за человеческой жизнью».

«К счастью, если разум не в состоянии рассеять эту мглу, то для данной цели оказывается достаточной сама природа, которая исцеляет меня от этой философской меланхолии, от этого бреда»<sup>29</sup>. Этот пассаж – взывание к силам «природы» вместо «разума» с сопутствующим ему скептицизмом. «Природа вовремя сокрушает силу всех скептических аргументов и не дает им оказывать значительное влияние на познание»<sup>30</sup>. В результате Юм пишет: «Итак, мне ясно, что я обсолютно и необходимо вынужден жить. Разговаривать и принимать участие в обыденных житейских делах наравне с другими людьми». В «слепом подчинении» силам природы, пишет Юм, «лучше всего выражаются мое скептическое настроение и мои скептические принципы»<sup>31</sup>.

Тот «скептицизм», о котором он пишет, порождается не размышлением, а силами природы, имеющими дело с разрушительными результатами более ранних философских размышлений. Это «скептицизм» в смысле тех античных скептиков, которые, преодолев одержимость разумом и попытками установить истину, просто продолжали жизнь в согласии со своими естественными склонностями. Однако Юм считает, что «природа» может оказать свое освобождающее воздействие лишь на тех, кто сначала посвятил себя философским

<sup>28</sup> Трактат. С. 313.

<sup>29</sup> Там же.

<sup>30</sup> Там же. С. 238.

<sup>31</sup> Там же. С. 314.



размышлениям о человеческой природе и обнаружил себя в том же разрушительном «скептическом» состоянии, в котором поначалу оказался он. «Избыточное», парализующее воздействие всех более ранних «скептических» размышлений сглаживается высшей силой природы, выражающейся в определенных естественных человеческих инстинктах. Этот изящный «естественный» выход нельзя отыскать посредством одних только рассуждений и рефлексии. Мы сможем увидеть и в полной мере оценить превосходящую силу «природы» над «разумом», лишь обнаружив, что мы с неизбежностью придерживаемся той веры и совершаем те действия, в необоснованности (беспричинности) которых нас убедили наши «скептические» философские размышления.

«Исследование о человеческом познании» можно рассмотреть в качестве последовательной защиты этой концепции скептицизма и в равной степени как представление того согласованного состояния человека, к которому, по убеждению Юма, эта концепция может привести. Глава IV «Скептические сомнения относительно деятельности ума» демонстрирует, что наша вера в факты за пределами свидетельств наших чувств и памяти «не основана на размышлении или каком-либо процессе мышления»<sup>32</sup>. Если бы мы верили лишь в то, относительно чего мы могли бы усмотреть основания для веры, то мы бы не верили ни во что вообще. А это бы значило, что «всякие разговоры, всякая деятельность немедленно прекратились бы и люди пребывали бы в полной летаргии, пока не настал бы конец их жалкому существованию» (С. 139).

Следующая глава «Скептическое разрешение этих сомнений» основывается на том факте, что «великими разрушителями пирронизма, или чрезмерного скептицизма, являются деятельность, занятия и дела обыденной жизни» (С. 138). Имеющиеся у нас верования мы получаем с неизбежностью в результате тех основанных на привычке соединений, которые мы воспринимаем в опыте. И то, что мы в действительности осуществляем подобные переходы, и есть ключ к «решению». «И все эти операции – род природных инстинктов, которые не могут быть ни вызваны, ни предотвращены рассуждением или каким-либо мыслительным и рассудочным процессом» (С. 40). Чрезмерные и кажущиеся «парализующими» результаты предшествующих размышлений не возымеют над нами своего воздействия. Однако данный факт может иметь самые желанные и освобождающие последствия лишь для тех, кто

<sup>32</sup> Исследование. С. 28.



предпринял абстрактные размышления и кому довелось «убедиться в силе сомнений пирронизма и в невозможности освободиться от них иначе как с помощью природного инстинкта» (С. 141). Обнаружение невозможности ответить на негативные «скептические» заключения относительно «разума» является необходимым шагом к желанному выходу. «Мы должны решиться на этот утомительный шаг, чтобы жить спокойно впоследствии» (С. 11).

Таким образом, освобождение, к которому приводит сказанное выше, заключается не просто в принятии определенной установки или выборе правильной абстрактной теоретической позиции. Речь идет о состоянии ума или условия жизни, следующем «за изучением и исследованием» (С. 130). Это «естественный результат» (С. 140) глубоких «скептических» сомнений, ставших конечной точкой философского размышления, вместе с безудержными силами природы, которые обуславливают выводы, которые мы ежедневно делаем на основе имеющегося опыта. Жизнь при полном признании обоих этих аспектов человеческой природы является «смягченным скептицизмом или академической философией», объясненными и защищаемыми в последней главе первого «Исследования» Юма.

Среди многих преимуществ, которые приходят с достижением этого состояния, Юм упоминает и то, что мы будем менее «безапелляционными и догматичными» в наших мнениях и нам будет присуща «доля сомнения, осторожности и скромности, [которая] должна быть присуща всякому рассуждающему здраво человеку во всех его исследованиях и решениях» (С. 140). Мы также будем стремиться к тому, чтобы меньше увлекаться «всем, что далеко и необычно», чтобы избежать «отдаленных и высоких предметов» посредством ограничения нашего внимания «теми предметами, которые наиболее соответствуют ограниченным силам человеческого ума» (С. 140). Мы будем иметь лучшее понимание ограничений способностей людей: «Коль скоро мы не в состоянии удовлетворительно объяснить, на основании чего верим после тысячи опытов, что всякий камень будет падать, а огонь гореть, то разве мы можем удовлетвориться каким-нибудь взглядом на происхождение миров или на состояние, в котором находилась природа от века, и на то, в котором она будет пребывать во веки веков?» (С. 141).

Рекомендуемый Юмом «смягченный скептицизм» является состоянием ума, которое он оценивает не только как наиболее удовлетворительное в свете проведенных философ-





ских размышлений, но и как самый предпочтительный способ проживания жизни. Его можно назвать «скептическим» состоянием или установкой, однако он является чисто естественным результатом напряженного философского размышления, которое сначала привело к «чрезмерному» или «пирронову» скептическому затруднению. Неизбежность, с которой пыливый мыслитель сначала приходит к катастрофе, происходит из принятия «разума» в качестве отличительного основания человеческой природы. Неизбежность, с которой тот же самый человек в конечном счете освобождается от «скептического» затруднения, происходит исключительно из самой «природы». Оба движения мысли являются обязательными для достижения наилучшего состояния для человека. Таким образом, существует подход, согласно которому «скептицизм» и «натурализм» вместе оказываются центральными для юмовского понимания человеческой природы и его понятия полной и специфически человеческой жизни. По Юму, именно следование за «наукой о человеке» предлагаемым им способом позволит нам достичь наиболее согласованного состояния.

*Перевод с английского П.С. Куслия*